

государства СНГ. Попытки устранить существующие пробелы в этой области пока не увенчались успехом. Думается, что работа в этом направлении должна продолжаться, поскольку факты незаконного экспериментирования на людях все чаще становятся достоянием гласности и требуют надлежащего реагирования со стороны государства. Ориентиром при разработке соответствующей нормы уголовного законодательства России должны служить международно-правовые доку-

менты, действующие в области проведения биомедицинских исследований, опыт зарубежных государств и, разумеется, внутринациональное законодательство о здравоохранении. В настоящее время, как уже отмечалось, в отсутствие специальной нормы, уполномоченная ответственность исследователей экспериментаторов при определенных условиях может наступать по нормам об ответственности за преступления против жизни или здоровья, в частности, истязание (ст. 117 УК РФ).

КРЫЛОВА

Второй упрёк относился к терминологии: вводилась концепция эксперимента не содержавшего необходимых признаков, позволяющих различить уголовно наказуемое проведение экспериментальной деятельности от законно осуществляемой медицинской помощи, а понятие "добровольное согласие" не имеет критериев правовой нормы и носит описательный характер. Вместе с тем, по нашему мнению, "уголовно наказуемый эксперимент" отличается от законно осуществляемого как раз тем признаком, который указан в ч. 1 проектируемой статьи – отсутствием согласия на участие в эксперименте со стороны испытуемого лица. Этот признак является криминалообразующим.

Заметьте, что подобная конструкция свойственна норме, предусматривающей уголовную ответственность за принуждение к изъятию органов или тканей человека для трансплантации (ст. 120 УК РФ). Согласно указанной норме ответственность наступает за сам факт принуждения, которое заключается в применении насилия либо в угрозах или угрозах. Другими словами, данная уголовно-правовая норма служит одной из гарантий соблюдения добровольности донорства.

Что касается понятия добровольного согласия, оно давно разработано и применяется в медицинской практике. Этим термином оперируют не только международно-правовые документы, но и отечественные нормативно-правовые акты, регламентирующие проведение биомедицинских исследований на человеке. В России разработаны специальные формы так называемого добровольного информированного согласия.

Следует также учитывать то обстоятельство, что проектируемая норма по содержанию является бланкетной, и нельзя требовать от составителей Проекта включения в норму всех признаков преступного деяния, которые раскрываются в ином законодательстве.

Третий упрёк заключался в том, что ч. 3 и 4 проектируемой статьи дублируют ст. 109 и 111 УК РФ. Это справедливо лишь отчасти. Часть 3 устанавливала бы ответственность за вышеназванное преступление при условии причинения тяжкого вреда здоровью человека по неосторожности. При этом авторы Проекта подробно описали последствия, образующие тяжкий вред здоровью, по существу, действительно, продублировав диспозицию ст. 111 УК РФ. На наш взгляд, необходимость в этом не было. Думается, что проектируемая статья должна быть ссылающейся нормой, требующей обращения к ст. 111 УК РФ.

Заметим, что ч. 3 проектируемой статьи содержала существенное отличие от ч. 1 ст. 111 УК РФ с точки зрения и конструкции, и формы вины. Лишь незначительное изучение законопроекта могло привести к выводу о тождестве этих поло-

жений. В действительности, проектируемая ч. 3 предполагалась как норма о преступлении с двумя формами вины: умысел в отношении проведения эксперимента без согласия испытуемого лица и неосторожность относительно наступления общественно опасных последствий, перечисленных в ч. 3, соответствующих понятию тяжкого вреда здоровью, признака которого определены в ч. 1 ст. 111 УК РФ. Однако преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 111, может быть совершено только двумя формами вины в ст. 111 предусмотрено с умысленной формой вины. Преступление с двумя формами вины в ст. 111 предусмотрено лишь в ч. 4. Таким образом, отличия очевидны.

Что касается ст. 109 УК РФ, то проводить аналогию между ней и проектируемой ч. 4 ст. 117-1 также представляется несобоснованным. Опыт-таки нормы различаются существенным образом и по конструкции, и по формам вины, которые возможны при совершении указанных преступлений. В ст. 109 УК РФ установлена ответственность только за неосторожное деяние. Это прямо следует из диспозиции данной уголовно-правовой нормы. Проектируемая ч. 4, как отмечалось, предполагала две формы вины: умысел в отношении действий, предусмотренных ч. 1 проектируемой статьи, и неосторожность в отношении смер-

ти человека. Согласно четвертому замечанию, которое представляется справедливым, предлагаемое дополнение УК РФ не согласуется с уголовно-правовой нормой об обоснованном риске (ст. 41 УК РФ), согласно которой риск не признается обоснованным, если он был заведомо сопряжен с угрозой для жизни многих людей, с угрозой экологической катастрофы или общественного бедствия.

Таким образом, законопроект 2003 г. был признан нуждающимся в доработке, хотя, по нашему мнению, неоспоримых трудностей он не должен был вызвать. Однако в УК РФ до сих пор отсутствует специальная норма о незаконном (в отрыве от специального законодательства) проведении медицинского исследования на человеке. Следует на наш взгляд, вернуться к разработке и обсуждению Проекта закона об устранении уголовной ответственности за рассматриваемое преступное деяние, с тем чтобы устранить явный пробел российского уголовного закона и привести в этой части УК РФ в соответствие с конституционными положениями о нарушении принципа добровольного согласия на участие в любых экспериментах и исследованиях с участием человека в качестве испытуемого.

Итак, уголовное законодательство Российской Федерации в вопросе установления ответственности за незаконное проведение биомедицинских исследований на человеке существенно отстает от законодательства других государств, включая